

И. С. ЛУКАШ

Невский проспект

Каждая улица, каждый проспект и переулок города имеют свое лицо.

Лицо улицы — это звучит странно, но, кажется, чувствуешь, видишь это лицо, когда присмотришься к пестряди мелькающих вывесок, к колоннадам фронтонов, к подъездным фонарям и завиткам решеток... Миллионная. Она чиста даже и теперь, она лоснится, точно натертый воском паркет в барских апартаментах. Что-то холодное, джентльменски-чопорное и вместе с тем уютное, тихое, как старинные парки русских усадеб.

Идешь от Летнего сада, всматриваешься в даль, где уже багрово краснеет Зимний дворец, а в ушах звучат полузабытые стихи 60-х годов, вспоминаются странички Тургенева, Дворянские гнезда, Лаврецкие, Райские...

Большой проспект Петроградской стороны. Это — мещанин в нелепо сшитом пиджаке, с аляповатой цепью в три пальца вдоль жилета. Таков он на углу Введенской.

Подальше — он бедный чинуша, скромный интеллигент, богаделка, выглядывающая из деревянного ветхого дома.

Каменноостровский. Серый северный гранит. Широкая торцовая мостовая... Сытый покой.

Это наш европеец — который боится сделать шаг по грязи, чтобы не обмочить лакированных ботинок.

Лиговка. Убогая, грязная, бесконечно длинная, как темный коридор, Лиговка.

Слоняются узкоглазые, коричнево-лиловые китайцы. Торговки-бабы у панели. Лотки со снедью. Павшие лошади. Мальчишки, солдаты... Какой-то грязный и темный азиатский базар. Квартал татарщины рядом с европейской улицей. Это не то хунхуз, не то хмурый хулиган, прячущий за пазуху длинный и темный сапожницкий нож.

Лицо улиц... Еще совсем не изучена эта своеобразная физиогномика. Не изучен и наш знаменитый — Невский проспект.

Чопорный джентльмен, развязный мещанин, откормленный купчина, забитый чинуша, наглый хулиган, элегантный европеец — в нем есть все, смешалось все путаной и пестрой мозаикой. И трудно сказать, кто он — этот призрачный проспект призрачного города.

Его любил Достоевский.

О нем писал Пушкин.

Свои переполненные гнетущего ужаса повести «Невский проспект» и «Портрет» — о нем, об его ночном шелесте, нарумяненном пороке и тоскующей любви бедного художника, — написал Гоголь.

Невский проспект...

Здесь каждый камень, чугунная решетка, тусклые ржавые орлы на мостах через каналы, — реликвия былого.

Круглые следы пуль, трещинки в красных стенах Аничкова дворца... Может быть, это следы не только наших ежедневных перестрелок, а и 9 января, а и студенческих демонстраций у Казанского собора...

Старик Невский отражает, как в зеркале, всю нашу историю. Историю «петербургского периода», Петра I, декабристов, Николая I, Пушкина, Софьи Перовской¹.

Сырые апартаменты дворца и прокуренная комната гвардейских заговорщиков.

Оды Державина и свист плетей, и вырванные ноздри «воров» на торговой казни.

Строгие залы бюрократического департамента и жалкая квартира длинноволосых нигилистов, упорных и мрачных страдальцев-народовольцев. Жандармы и поэты. Бомбисты и монахи. Свист плетей и надушенные томики Вольтера, Дидро, и Руссо...

Страшная и загадочная российская смесь грязной и грубой азиатчины с парижским шиком и модами Лондона.

Кто он, этот призрачный Невский проспект, и кто сможет отгадать тайну его лица полупалача-полупоэта, полусвятого-полукликуши?..

Вчера поздно вечером я проходил Невским.

Мы живем теперь до 6—8 ч. вечера. Как только стемнеет, мы запираемся в своих квартирах.

И странно и тревожно мне было видеть, что в полутьме надвигающейся весенней ночи — Невский кишит толпой.

Огни не горят. Все в какой-то серовато-мертвецкой дымке.

Толпа кишит. Идет волною. Ровная, глухая, — скребет тысячу ног о тротуар.

Молодые люди в дешевых пальто с претензией на элегантность. Не то шоферы, не то рабочие в кожаных куртках. Старик, матросы, бледные гимназисты, попыхивающие огоньками папирос.

Нарумяненные женские лица. Лихорадочно горят подведенные глаза. Алой раной кажутся намазанные губы...

Мелькают бледные, голодные, животнo-злые лица. Какие-то насурмленные маски — порока и преступления. Хриплый, короткий смех.

Здесь торгуют телом и болезнями. Какие-то люди в потертых пальто из-под полы продают пакетики кокаина. Зазябшие мальчишки на углах допродают перемятые, захватанные пальцами плитки шоколада...

Полутьма. Погашенные огни.

Светит желтоватым электричеством подвал Café.

У входа — небольшая толпа. В стеклянных дверях — два солдата с винтовками.

— Пойдем скорее, Маруська — сипит женский шепот — обход начинается. Еще накроют.

Роится в полутьме толпа. Старик, гимназисты, рабочие. Бледные маски голодных зверей плывут в серой полутьме. Невский ночью ужасен... Ночью он зверь, у которого сочатся болезнью и пороком омерзительные язвы.

А днем он щурит на солнце свое неразгаданное лицо полужандарма-полупоэта, грязного варвара и изысканного европейца.

1918

